

НОВГОРОДСКИЙ ВОЙСКОВОЙ СМОТР 1613 г.

В 1608 г. Василий Шуйский направил в Новгород кн. М. В. Скопина-Шуйского. При Скопине-Шуйском город превратился в один из центров борьбы с Лжедмитрием II. В то же время в 7118 (1609/10) г. в городе был произведен ряд назначений на административные должности. Воеводой стал кн. И. Н. Большой Одоевский. Обязанности головы при нем поручили исполнять Игнатию Харламову.¹ После того как шведы в 1611 г. заняли Новгород, эти люди сохранили свои позиции. Одоевский вместе с командовавшим шведскими войсками Делгарди и митрополитом Исидором вошли в состав правительства. Городская верхушка начала переговоры со Стокгольмом об избрании шведского королевича на русский престол. Возглавлявшие отряды воеводы, видимо, сознательно сделали свой выбор и продолжали вместе со шведами защищать Новгородскую землю от поляков, «воров» и казаков. Часть детей боярских оказалась на службе, возможно, в результате реперподчинения воевавших в пятинах людей.

В нашем распоряжении имеется ряд письменных свидетельств о выделении денежных средств на содержание войск. Наиболее ранние сведения относятся к январю 1612 г. В этот момент был организован сбор кормов «кратным людем», которые шли на сход к «прежним воеводам».² Учитывая, что во второй половине 1611 г. никаких новых людей из Швеции не присылалось, можно предполагать, что в данном случае подразумевались новгородские войска. Скорее всего, на армию расходовалась и определенная часть денежных доходов. В октябре 1611 г. против поляков вел боевые действия Тимофей Шаров с казаками, которых было 160 человек. Чтобы обеспечить отряд всем необходимым, была потрачена половина имеющихся средств. Так как речь шла о первых месяцах пребывания шведов в городе, когда администрация только налаживала сбор налогов, в распоряжении правительства могли находиться незначительные суммы. В месяц казакам давали по 40 алтын на человека.³ Однако другие конкретные данные относительно того, какие суммы шли на содержание войск, в нашем распоряжении отсутствуют. Функционировала система поместного обеспечения детей боярских, благодаря чему они могли получить землю.

Документы Новгородского оккупационного архива дают возможность понять, кто, собственно, остался на службе у шведов. Так как источниковая база ограничена и мы располагаем лишь отрывочной информацией, то особую ценность приобретает список дворян, призванных нести службу в самом Новгороде и на подъезде к нему, а также выступивших в поход с кн. Ф. Т. Черным Оболенским. Я уже обращалась к вопросу о списке, о распределении его участников по пятинам, о характере представительства вклю-

¹ Белокурова А. С. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907. С. 18, 105.

² Книга приходная сбора кормов для шведских войск с Косицкого погоста // ГАРФ. КМФ-9. Швеция. 3А-37. № 12.

³ Челобитные Н. Бибикова, Ю. Юлина С. Лутохину. 2 октября [1611 г.] // ГАРФ. КМФ-9. Швеция. 3А-55. П. 344.

ченных в перечень дворян Бежецкой пятины,⁴ но источник явно изучен в недостаточной мере. Именно этому документу будет уделено основное внимание в настоящей статье.

В челобитных, которые подавали дворяне, пытаясь добиться получения земли, говорится об их службе в войсках после июля 1611 г. Соответствующие известия относятся главным образом к 1612 г. Степан Палицын писал, что был в Старорусском уезде со шведами «в посылках», «в подъезде», «на заставах».⁵ Андрей Ресницын, по словам его сына, всю зиму находился в войсках у шведского военачальника Эверта Горна, «на всех боех был» и везде служил шведскому королевичу Карлу Филиппу (видимо, имеется в виду зима 1611/12 г., когда Горн вел боевые действия под Псковом).⁶ В походе Горна кн. Иван Мещерский, как можно предполагать по имеющимся сведениям, возглавил отряд детей боярских.⁷ Федор Харламов сообщил, что все русские люди, бывшие с Горном, в 1612 г. пошли от Порхова к Гдову.⁸

В 1612 г. Семен Собакин, как и некоторые другие дети боярские, выступил вместе с Горном в поход против поляков, ходил под Коломенский острожек и Котлован. Поляки полностью разгромили воеводу.⁹ В 1612 г. дети боярские несли службу с Григорием Муравьевым под Копорьем.¹⁰ В том же году Матфей¹¹ Муравьев был направлен с «немецкими» людьми в Водскую и Шелонскую пятины как «для оберегания от воровских людей», так и для сбора кормов.¹²

В 1612 г. в воевавшие отряды были привлечены новые дети боярские. В должности полковника, ротмистра и воеводы в Старорусском уезде служил Матвей Львов Большой, занимавшийся сбором кормов. В ноябре 1612 г. он с «немецкими» ратными людьми должен был идти на ржевские рубежи.¹³ Можно предполагать, что зимой 1612/13 г. отряды пополнились свежими силами. Скорее всего, от шведских войск, присланных в 1611 г., осталось считанное число людей и шведы были вынуждены переориентироваться на новгородских детей боярских. Служилые люди стали опорой установленно-го режима.

⁴ См.: *Кобзарева Е. И.* Русские дворяне на службе у шведов в период оккупации Новгорода 1611—1615 гг. // *Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное дело* (в печати).

⁵ Челобитная С. Палицына // ГАРФ. КМФ-9. Швеция. ЗА-55. № 135.

⁶ ГАРФ. КМФ-9. Швеция. ЗА-55. № 177.

⁷ Челобитная Ф. Харламова. [Без даты; 1612 г.] // ГАРФ. КМФ-9. Швеция. ЗА-55. № 74.

⁸ Там же. Выступил в поход вместе с Э. Горном и А. Змеев (Челобитная А. Змеева. [Без даты; 1612 г.] // ЗА-55. № 68. Л. 65). Горн послал против поляков Осипа Ерохова (Деревская пятина, «в даче» 350 четей 1613 г.) (№ 301). С Горном также служил Федор Воропанов (Деревская пятина; оклад 300 четей; встан сполна в 1612 г.) (№ 312).

⁹ Челобитная С. Собакина. 20 марта 1612 г. // ГАРФ. КМФ-9. Швеция. ЗА-55. № 68. Л. 73.

¹⁰ Челобитная Б. Самарина. 9 мая 1612 г. // Там же. Л. 70.

¹¹ При написании имен сохраняется орфография источника.

¹² Память Г. Обольянинову. 25 июля, 21 августа 1614 г. // ГАРФ. КМФ-9. Швеция. ЗА-55. № 138. Матвей Зиновьев был послан для дозора в Бежскую пятину (ЗА-55. № 135). Семён Глотова направили со стрельцами вслед за «вором». Семён вышел к шведскому ротмистру Класу, который освободил его от службы (Челобитная С. Глотова. [Без даты; 1612 г.] // ГАРФ. КМФ-9. Швеция. ЗА-55. № 68).

¹³ ГАРФ. КМФ-9. Швеция. ЗА-55. № 177; Память О. И. Шеховскому, С. Е. Отрепьеву, П. В. Витовтову. 8 ноября 1612 г. // ГАРФ. КМФ-9. Швеция. ЗА-55. П. 342.

Они и были включены в состав сохранившихся списков. Список служивших в Новгороде для Деревской и Шелонской пятин составлялся в два приема, второй список был подклучен к первому. В имеющемся источнике сначала написан ряд фамилий без указания времени составления документа (судя по всему, это первоначальный список), а затем, на тех же листах, идет список, помеченный мартом при отсутствующем годе. В итоге перед нами один источник. Его продолжением является относящийся к марту список для Бежецкой и Обонежской пятин, непосредственно не вошедших в зону шведской оккупации. Находящиеся в составе того же документа списки служивших на подъезде к городу и выступивших в поход для всех пятин не содержат помет относительно времени составления.¹⁴ В Оккупационном архиве имеется записка, где упоминается список, который был прислан Черным Оболенским из Старой Руссы. При этом отмечается, что 14 марта 1613 г. был составлен полный перечень дворян и детей боярских, включивший тех, кто не приехал на смотр, и говорится, что среди неявившихся оказались Сергей Дирин и сотник Веревкин. Так как в документе, которым мы располагаем, названные лица отсутствуют, мы, по всей вероятности, имеем список, по которому в марте 1613 г. проводился смотр. Думается, что в это время в Новгороде еще не получили информацию о вступлении на московский престол Михаила Романова (с установлением в Москве твердой власти шведы перешли к планомерному разграблению Новгорода, стали перебрасывать в город шведские войска; вместе с тем начался заметный отток дворян со службы в Новгороде). Также сохранился последовавший за этим документом дополнительный список, не содержащий помет о времени составления.¹⁵

Первоначальный список дворян, призванных на службу в Новгород по Деревской пятине, составленный, видимо, несколько раньше, чем мартовский, насчитывал 6 фамилий, мартовский — 10, при этом 4 человека были включены повторно. По Шелонской пятине в первом списке было 7 человек, из которых трех вычеркнули; в мартовском — 17. Скорее всего, первые списки являлись предварительными, при этом мартовский список по Деревской пятине составляли без учета предыдущего, что и обусловило их пересечение.

В списки были внесены исправления. Фамилии и имена некоторых дворян были повторены дважды, но в большинстве случаев в одном месте зачеркнуты. Например, Дружина Оничков первоначально числился по Деревской и Обонежской пятинам, затем был вычеркнут из списка Обонежской пятины и оставлен только в списке Деревской пятины. Осип Култашов вошел в мартовский список служивших в Новгороде, Тихомир Боборыкин, Дружина и Фирс Оничковы, Богдан Лупандин — в дополнительный список дворян, призванных на службу в Новгород, Александр Тимашев и Степан Львов — в список дворян, стоявших на подъезде. Все семеро были включены и в список тех, кто шел в поход с Черным Оболенским, но впоследствии вычеркнуты, за исключением оставшихся невычеркнутыми Боборыкина и

¹⁴ ГАРФ. КМФ-9. Швеция. ЗА-55. № 162 (170 а).

¹⁵ Там же. № 164 (172).

Тимашева. По всей очевидности, список участников похода появился на свет несколько раньше, чем мартовский и дополнительный списки, но, так как в поход выступили дворяне Бежецкой пятины, позже, чем первоначальные списки, которые включили дворян Деревской и Шелонской пятин. Перевод на службу в город или на подъезде к нему можно рассматривать как перевод на более безопасную и вместе с тем более почетную службу, чем участие в походе. После состоявшегося мероприятия частей людей, вероятно, ушла в поход. Имеющиеся повторения сохранились, возможно, в результате небрежности.

Перед нами, скорее всего, далеко не все дворяне, остававшиеся на службе у шведов. В списке отсутствовали фамилии ряда детей боярских, которые, судя по источникам, пребывали в Новгороде в последующий период. Например, сохранилась поручная запись дворян от 23 декабря 1613 г. о невыезде из Новгородской земли Тушиных. Под записью стоит 14 подписей детей боярских, из которых только трое должны были явиться на службу в марте 1613 г.¹⁶ Из списка призванных на службу был вычеркнут кн. Иван Мещерский, в 1615 г. принявший участие в псковском походе. Видимо, многие дворяне в марте 1613 г. были заняты в проводившихся военных операциях или на сборе кормов. В конце рассматриваемого списка был помещен перечень дворян, не написанных в поход. Подобно спискам для Деревской и Шелонской пятин, добавленный список состоял из первоначального списка (4 человека) и мартовского (21 человек). Эти люди, по всей видимости, быть оставлены в качестве резерва.

Несмотря на то что в список, судя по всему, вошла лишь часть детей боярских, находившихся в это время на службе, состав тех, кто был назначен служить в самом городе и на подъезде к нему или отправлен в поход с Черным Оболенским, является во многих отношениях показательным.

В списках марта 1613 г. названо 227 человек. 101 человек должен был выступить в поход с кн. Федором Тимофеевичем Черным Оболенским. Сам князь являлся выходцем из Новгородской земли, где находилось поместье его отца. Можно предполагать, что, оказавшись в рядах аристократической оппозиции, Черный Оболенский, подобно другим его сослуживцам, в 1608 г. «отъехал» к Лжедмитрию II, а затем, в 1610 г., отправился в Новгород.¹⁷ После того как там было сформировано новое правительство, князю принадлежала важная роль при проведении переговоров со Вторым народным ополчением по вопросу об избрании шведского королевича на русский престол; Черный Оболенский вместе со Смирным Отрепьевым ездил для переговоров с кн. Д. Пожарским в Ярославль. В 1612 г. князь принимал участие в сборе податей. Черный Оболенский делал основную ставку на то, чтобы русским царем стал Карл Филипп. Оставаясь на службе у шведов, князь, по-видимому, считал, что выполняет важную задачу защиты Новгородской земли от поляков и казаков. В момент составления списка Черный Оболенский, скорее всего, сохранял лояльные отношения со шведами; служилые люди, которым предстояло выступить вместе с ним в поход, должны

¹⁶ Там же. № 121 (128).

¹⁷ Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия: движениис Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 551.

были действовать заодно со шведскими войсками. В 1614 г. князь покинул Новгород, а его поместье поступило в «раздачу».¹⁸

Оболенкому предстояло возглавить тех, кто числился в списке. Ряд фамилий был вычеркнут из списка. Около фамилии и имени Дмитрия Оничкова была сделана помета, что он не может быть призван из-за бедности и отсутствия лошади. Не исключено, что и некоторые другие дети боярские не приняли участия в походе в силу той же причины. Вероятно, так же были вычеркнуты не явившиеся на смотр нетчики.

Новгородские пятины были представлены на смотре неравномерно. Основную часть числящихся в списках составили дети боярские Бежецкой и Водской пятин (80 % участников смотра), при том что Бежецкая пятина находилась за пределами зоны шведской оккупации. Это свидетельствует о том, что крупное дворянство видело в лице шведов защитников в борьбе против казаков и поляков. В список вошло очень немного дворян Деревской пятины, — возможно, они участвовали в других проводившихся в это время операциях.

Список дворян, призванных на службу, в ряде случаев включал довольно большое число носителей фамилий, принадлежавших отдельным новгородским родам. Явное влияние приобрели кланы, представители которых активно сотрудничали со шведами. Особо в этом плане выделился род Оничковых. В списки 1613 г. вошло 9 человек, носивших эту фамилию (еще трое оказались вычеркнутыми из списка). Все они должны были служить в самом городе или на подъезде к нему. С началом шведской оккупации Филон, несший службу с Василием Шуйским, длительное время оставался на службе у шведов, проводил дозор в Старой Руссе, в 1613 г. ездил на встречу шведского королевича в Выборг. (Двое Оничковых поставили свои подписи под приговором 1613 г. об избрании Карла Филиппа на московский престол.) Можно предполагать, что именно Филон содействовал тому, чтобы другие Оничковы смогли добиться получения земли. Оничковы прочно заняли позиции крупнопоместного дворянства. Самый большой оклад, 700 четей в период оккупации, был у Дружины Оничкова. Филон, Иван, Замятня к концу Смуты, получив дополнительные прибавки, имели оклады 600—650 четей.¹⁹ Остальные Оничковы, вероятно, позже вступившие в права владения, были верстаны меньшими окладами — 300—400 четей. Что касается реального наделения землей, всего из рода Оничковых в период шведской оккупации в Деревской пятине приобрели поместья 6 человек (при том что добиться получения земли удавалось единицам: из тех, кто принял участие в походе с Черным Оболенским, землю получили 5,5 %). Благодаря браку с Арцыбашевой Филон вступил в права владения помещьем 300 четей.

Несколькими человеками в списке были представлены Басмановы, Боборыкины, Пустошкины. Показательно, что из 5 человек, которые первона-

¹⁸ Память Г. Оболянинову. Август 1614 г. // ГАРФ. КМФ-9. Швеция. ЗА-55. № 138 (148).

¹⁹ РГАДА. Ф. 210 — Разрядный приказ. Десятни. № 126. Л. 65, 67—67 об.

чально вошли в состав участников похода, но затем были включены в число тех, кто должен был находиться на службе в Новгороде, двое принадлежали к роду Оничковых, один — к роду Боборыкиных.

Как я уже говорила, шведам продолжали служить представители старой администрации. Часть из них в 1613 г. прибыла на смотр. Среди прибывших оказался Михаил Оничков, который в июле 1610 г. ездил в Водскую пятину для сбора кормов.²⁰ В 1610 г. Василий Шуйский направил под Ям кн. Ивана Кропоткина и отдал распоряжение, чтобы князя сопровождали Вельямин Трусов, Воин Новокшенов, Фектист Муравьев.²¹ Из этих четырех человек Воин Новокшенов оказался в списке тех, кто оставался на службе в 1613 г. В походе с Черным Оболенским должен был принять участие И. Колычов, назначенный в 1606 г. воеводой в Псков.²²

В интересующем нас документе названы два человека, которые в качестве воевод возглавляли отряды, вместе со шведами ведшие боевые действия против поляков в Новгородской земле при Скопине-Шуйском. Воевода Микита Васильевич Вышеславцев был в марте 1609 г. прислан в Новгород на сход с ратными людьми из Ярославля.²³ Он оставался в городе, после того как туда вступили шведские войска. Одно из сохранившихся поместных дел свидетельствует о том, что зимой 1611/12 г. Вышеславцев вел боевые действия под Торжком.²⁴ В 1612 г. он участвовал в сборе кормов. Воевода до конца находился в городе и в 1616 г. по-прежнему занимался сбором кормов. Не менее стойким приверженцем шведов являлся и Степан Горихвостов, в 1608 г. с большим отрядом людей (по свидетельству «Нового летописца», до тысячи человек) пришедший от Тихвина к Новгороду.²⁵ Горихвостов также бессменно пребывал в Новгороде вплоть до момента заключения Столбовского мира, когда город был возвращен России. Не исключено, что в 1608—1611 гг. для борьбы с Лжедмитрием II в Новгород приехали и другие воеводы, впоследствии служившие шведам.

Десятня Бежецкой пятины 1608 г., а также сыскная десятня 1619 г. свидетельствуют о том, что подавляющее большинство перечисленных в них дворян, в том числе тех, кто находился на службе в 1613 г., при Василии Шуйском приняло участие в тульском походе против И. В. Болотникова и получило прибавки к окладу в размере 50 четей.²⁶ Некоторые дворяне, включенные в списки в 1613 г., до этого несли службу с кн. М. В. Скопным-Шуйским. По крайней мере, Богдан Дирин был послан из Александровой слободы в проезжую станицу, затем направлен в Москву, оттуда — в Измайловский острожек.²⁷

Таким образом, на службу к сформированному новгородскому правительству, как видно из рассмотренного материала, поступали воеводы и

²⁰ Белокуров А. С. Разрядные записи... С. 203.

²¹ Там же. С. 253.

²² Там же. С. 190.

²³ ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 247.

²⁴ ГАРФ. КМФ-9. Швеция. ЗА-55. № 289.

²⁵ ПСРЛ. М., 1963. Т. 14. С. 85—86.

²⁶ См. также: Седов П. В. Поместные и денежные оклады как источник по истории дворянства в Смуту // Архив русской истории. М., 1993. Вып. 3. С. 231.

²⁷ РГАДА. Ф. 210 — Разрядный приказ. Десятни. № 126. Л. 62 об.—63 об.

другие крупные дворяне, верой и правдой служившие Скопину-Шуйскому и Василию Шуйскому. Анализ состава дворян из Бежецкой пятины, поступивших на службу к шведам, также подтверждает, что на сторону последних переходили в основном дворяне, верстанные большими окладами (мы располагаем сведениями об окладах 30 человек; 15 из них в 1608 г. имели оклады 500—700 четей). Когда мы обращаемся к вопросу о дворянах, призванных на почетную службу непосредственно в Новгород, преобладание детей боярских, верстанных большими окладами, становится еще более заметным. Из Бежецкой пятины в городе были оставлены 30 человек, мы располагаем сведениями об окладах 17 человек, у 12 из них оклад был больше 500 четей в соответствии с окладами, установленными при Лжедмитрии I. Из Шелонской пятины в городе и на подъезде к нему находились 29 человек. Не считая тех двух человек, об окладе которых мы узнаем из сысской десятины 1619 г., составленной с учетом всех сделанных надбавок, мы располагаем сведениями об окладах 5 человек, тех, кто получил при шведах дополнительные пожалования, — у всех оклад был больше 500 четей.

Все названные дети боярские, будь то представители администрации или воеводы, отвечавшие за сбор кормов, а также возглавлявшие отряды, изначально исходили из того, что только Делагарди и его войска могут организовать защиту Новгородской земли от полного разорения. Именно эти дети боярские охотно соглашались на сотрудничество со шведами, рассматривая их как представителей твердой власти. Дети боярские были заинтересованы в том, чтобы сохранить свои поместья, а возможно, получить дополнительную землю. В то же время положение этих людей при шведах гарантировало им достаточно надежный доступ к «кормушке», который обеспечивал бы стабильный источник их существования (они приняли активное участие в подписании приговоров об избрании шведского королевича на русский престол).

В то же время обращает на себя внимание отсутствие в списке 1613 г. тех, кто до Смуты владел большим количеством холопов, — число последних, находившихся в собственности, как правило, не превышает 4—5 человек, чаще речь идет об одном-двух холопах, хотя в новгородских записных кабальных книгах зафиксировано довольно большое количество крупных холоповладельцев. Последние были представлены в списке 1613 г. только Василием Мотякиным, который имел 13 холопов. Возможно, помещики, наделенные большими поместьями с многочисленными холопами, предпочитали откупаться от шведов.

Дачные книги Шелонской и Деревской пятин, а также сохранившееся начало дачной книги Водской пятины за 1611/12 (120) г., позволили выявить 14 человек, в названном году заново верстанных окладами и получивших землю. Вероятно, все они приехали в Новгород при М. В. Скопине-Шуйском, чтобы принять участие в борьбе с самозванцем (в их числе оказался и Черный Оболенский). Для Новгорода они являлись инородным телом. Эти люди не были кооптированы в состав новгородской администрации. Видимо, никто из них не остался в городе до конца Смуты, — во всяком случае, эти лица не названы в сысской десятине 1619 г. Однако два из 14 человек, Александр и Степан Тимашовы, вошли в рассматриваемый нами список.

Оба они, как и все 14 человек, были пожалованы большими окладами — 650 четей (Черный Оболенский получил оклад 700 четей). Но реально Тимашовы смогли приобрести лишь очень незначительные поместья, — соответственно, 105 и 100 четей. Не ясно, прижились ли на службе у шведов и другие дворяне, прибывшие в Новгород как в центр организации борьбы с Лжедмитрием II. В принципе в перечне 1613 г. очень много лиц, не проходивших верстания при Лжедмитрии I. Так, из 71 человека, которыми была представлена Бежецкая пятина, при самозванце были верстаны окладами только 30. Что касается остальных, частично речь, видимо, шла о впервые верставшихся окладами новиках (в этом случае мы имеем дело с представителями уже известных фамилий). Однако достоверными сведениями мы располагаем лишь о вошедшем в интересующий нас список Богдане Лупандине. При Василии Шуйском он был верстан окладом 300 четей и приобрел поместье 89 четей. Остальные в принципе могли приехать в Бежецкую пятину при Василии Шуйском, тем более, что нередко речь идет о лицах, не принадлежащих к старым новгородским фамилиям. Не исключено, что они вообще вновь прибыли в Новгородскую землю.

Оказавшись на службе у шведов, дворяне не только оставались в войсках, но и входили в состав администрации, принимали участие в сборе податей. Источники позволяют назвать 16 фамилий сборщиков налогов. Все это — дети боярские, верстаные при Лжедмитрии I высокими окладами 500—600 четей (если бы они остались или вернулись в Новгородскую землю, их оклад после Смуты с учетом делавшихся прибавок должен был составить 600—700 четей). Примерно половина из них активно сотрудничала со шведами на начальном этапе их пребывания в городе, 8 человек поставили свои подписи под приговором 1611 г. об избрании шведского королевича. Однако в дальнейшем никто из них — сознательно или в силу того, что находился в отъезде, — не подписался под приговором 1613 г. Семеро из организаторов сбора податей, включая Матвея Львова Большого, вошли в расматриваемый нами список 1613 г.²⁸

Источники сохранили информацию о том, как проходила служба включенных в список дворян. В своей челобитной Михаил Мещерский сообщал о том, как вместе с Мартыном Славским и с головой Матвеем Муравьевым был послан против «воровских людей». Мещерский, надеясь добиться получения нового поместья, говорил, что убил двух казаков и пятерых взял в плен.²⁹

Встает вопрос о том, как решался вопрос о наделении включенных в список детей боярских земель. В соответствии с проведенными подсчетами, землю, как я уже говорила, получили лишь 5.5 % детей боярских, принявших участие в походе с Черным Оболенским. Новые поместья приобрели 10 % тех, кто служил в самом Новгороде и на подъезде к нему. Поместные дела свидетельствуют о том, как участники смотра пытались добиться дополнительных «дач», при этом нередко в условиях, когда их владения подвергались разграблению. Сообщавший о своих ратных заслугах Ме-

²⁸ Это — Демьян Апреяев, Микифор Бибиков, Матвей Львов Большой, Лука Милославский, Федор Черный Оболенский, Филон Оничков, Богдан Терпигоров.

²⁹ Поместное дело // ГАРФ. КМФ-9. Швеция. ЗА-55. № 100 (90).

щерский указывал, что его поместье на псковском рубеже подверглось разорению. Из-за «воровских людей» он не мог пахать пашню. Мещерский просил передать ему монастырскую землю под Порховом. Однако оказалось, что на этой земле проживают чернец и черница. В результате Мещерскому было отказано.³⁰ Неоднократно подавал челобитные с просьбой выделить землю Богдан Мусин.³¹ Как можно предположить, без поместья остался Ю. Кольчов. В 1614 г. ему, вероятно, удалось, в соответствии с имевшей место практикой, получить какую-то землю на «прокорм»: сохранилась память, в соответствии с которой ему должны были выделить семена.³²

Отдельные дети боярские, призванные на смотр, имели дополнительные доходы. Например, у Василия Вышеславцева был собственный кабак.³³

Видимо, важную роль в том, что дети боярские оставались на службе в условиях, когда поместья подвергались разорению, играло снабжение войск кормами. Думается, для лишившегося поместья боярского сына провести зиму в войсках нередко означало спастись от голодной смерти. Сохранились известия о том, что войска — «немецкие и русские» люди — забирали у крестьян весь хлеб, тем самым обеспечивая себя продовольствием.³⁴

Мне уже неоднократно приходилось говорить об относительной политической пассивности новгородских дворян. Ознакомление со списком находящихся на службе новгородских дворян полностью это подтверждает. Непосредственное участие в посольствах, которые были направлены для переговоров с Карлом Филиппом, приняли Яков Боборыкин (посольство 1613 г.), которому в дальнейшем принадлежала ведущая роль в переговорах с Москвой, гость Коковцев (посольство 1613 г.), уже знакомый нам воевода Степан Горихвостов (посольства 1613 и 1614 гг.), Воин Новокшенов (посольство 1613 г.), в дальнейшем, в 1614 г., ведший переговоры с Москвой. Под приговорами об избрании шведского королевича на русский престол подписались Михаил Оничков (1613 г.) и Богдан Дубровский (1611 и 1613 гг.). Шесть названных человек составляют ничтожно малую часть тех 227 дворян, которые были включены в список.³⁵

Основной отток дворян со шведской службы начался в 1613—1615 гг., когда на русский престол вступил Михаил Федорович, а шведы, доставив в город дополнительный контингент войск, начали разграбление Новгорода. Дворяне, числившиеся на службе в 1613 г., не составили исключения. Так, Богдан Дирин, бывший участник похода с М. В. Скопиным-Шуйским, и Григорий Языков в 1613/14 г., перейдя на сторону московских войск, были в «осадном сидении» в Ромашевском острожке и впоследствии получили за это надбавку к окладу 100 четей.³⁶ На сторону московских войск также пе-

³⁰ Там же.

³¹ Поместное дело // ГАРФ. КМФ-9. Швеция. ЗА-55. № 112 (105).

³² Память С. Лутохина Г. С. Обольянинову. 21 августа 1614 г. // ГАРФ. КМФ-9. Швеция. ЗА-55. № 138 (148).

³³ ГАРФ. КМФ-9. Швеция. ЗА-55. № 151 (161).

³⁴ Там же. № 244.

³⁵ Кобзарева Е. И. Новгородцы в переговорах об избрании шведского королевича на московский престол // НИС. СПб., 2003. Вып. 9 (19).

³⁶ РГАДА. Ф. 210 — Разрядный приказ. Десятни. № 126. Л. 62 об.—63 об., 69 об.—70 об.

решил Замятня Оничков, которому была дана прибавка за смоленскую службу.³⁷ Отдельные сведения о бегстве детей боярских содержатся в поместных делах, из которых мы узнаем о дезертирстве в 1613 г. Григория и Ивана Загоскиных.³⁸ В 1615 г. уехал к московским людям в Осташков Филон Оничков.³⁹

Сохранилась недатированная записка об отказе детей боярских от службы (скорее всего, она относится к позднему периоду, к 1614—1615 гг.): «Ведомо учинилось нам, бояром и воеводам, что многие дворяне и дети боярские без государева указа живут в Острожке на Ивне, не хотя быт на службе в Великом Новгороде, а иные живут по домам, не хотя государю королевичю служит». Наиболее близкие к правительственным кругам воеводы попытались применить карательные меры: «И по них, дворян и детей боярских, многие высылщики посыланы высылат на государеву службу в Великий Новгород». Однако принимаемые меры оказывались неэффективны. «И они от высылщиков избегают, а иные ослушаютца».⁴⁰ Новгородская администрация с конца 1613 г. стала составлять поручные записи о невыезде детей боярских за пределы Новгородского государства.

Многие крупные дворяне оставались на службе у шведов, по-прежнему входя в административные круги. Например, в связи с кражей лошадей осенью 1614 г. в качестве гарантов порядка, отвечавших за возмещение ущерба пострадавшего, выступили 6 человек, трое из которых были призваны на смотр. Это — Микита Вышеславцев, кн. Иван Путятин, Лука Милославский.⁴¹

Итак, на службе у шведов оставалось довольно значительное число детей боярских. Частично это были те, кто прибыл на службу в Новгород при Скопине-Шуйском в 1608—1609 гг., чтобы вести борьбу против казаков и поляков. Основную массу служивших составляли дети боярские, верстанные при Лжедмитрии I большими окладами, несшие службу при Василии Шуйском, принявшие участие в тульском походе и получившие за это прибавки к окладам. Существовавший режим оказался достаточно жизнеспособным. И даже в конце, когда шведам, чтобы остановить дезертирство, приходилось прибегать к серьезным карательным мерам, массового перехода новгородцев на сторону московских войск, видимо, не происходило.

³⁷ Там же. Л. 67—67 об.

³⁸ ГАРФ. КМФ-9. Швеция. ЗА-55. № 101 (94).

³⁹ Там же. № 218.

⁴⁰ Там же. № 201.

⁴¹ Дело о краже лошадей. 16 сентября 1614 г. // ГАРФ. КМФ-9. Швеция. ЗА-55. № 156 (165).